

Р.Е. Романов*

**НАРУШИТЕЛИ УКАЗА ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА
В «ОБОРОНКЕ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-13
УДК 94(47+571).084.8*Выходные данные для цитирования:**Романов Р.Е. Нарушители указа от 26 декабря 1941 года в «оборонке» Западной Сибири в начальный период Великой Отечественной войны: люди и судьбы // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 167–177. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-13.pdf>*

R.E. Romanov*

**VIOLATORS OF THE DECREE OF DECEMBER 26, 1941
IN THE “DEFENSE INDUSTRY” OF WESTERN SIBERIA
IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PEOPLE AND DESTINIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-13

*How to cite:**Romanov R.E. Violators of the Decree of December 26, 1941 in the “Defense Industry” of Western Siberia in the Initial Period of the Great Patriotic War: People and Destinies // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 167–177. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-13.pdf>]*

Abstract. Fragments of the memorandum “On the issue of checking the Decree of the Government of 26/XII-1941”, the order of the People’s Commissariat of Ammunition of the USSR No. 0207/N dated September 10, 1942 and the information summary “On those convicted of desertion from military and coal industry enterprises by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 12/26/41 for September–November 1942 by the military tribunals of the Siberian Military District”, identified in the funds of the State Archive of the Novosibirsk region. The content of extracts from these documents is of key importance for understanding the typology of violators of the decree of December 26, 1941 for the reasons and consequences of official misconduct. The publications are preceded by an introductory article, which analyzes the process of formation of the system of enforcement of an indefinite employment contract, its evolution into the mobilization status of military personnel, as well as the reaction to these changes in the field of social and labor relations of defense workers in Western Siberia on the eve and in the initial period of the Great Patriotic War. It is established that after the adoption of the decree of June 26, 1940 in the USSR industry, there was a shift in emphasis from administrative to criminal penalties for employees who committed absenteeism and unauthorized departures from enterprises. At the beginning of the second half of the military year, in connection with the publication of a new labor law, judicial sanctions against deserters from the economic front acquired a draconian character. It is shown that the transition to criminally repressive practices of struggle for strengthening labor discipline in the second half of 1940 led to a decrease in the dynamics of protest-maladaptive behavior of workers in the West Siberian “defense industry”. In the second half of 1941–1942, against the background of the tightening of punitive measures against labor desertion, the number of official misconduct in the formation of dozens of new factory teams mainly of women and young people only increased. It is concluded that three types of violators of the decree of December 26, 1941 have become widespread in the regional military industry. The most widespread of them were workers who left enterprises due to abnormal production or living conditions and were sentenced by tribunals to imprisonment for a term of five to eight years. A relatively rare type of offenders were conscious disorganizers of production, shot for “sabotage” under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR. Defendants who were sentenced due to mitigating circumstances to forced labor or conditional punishment that went beyond the scope of the decree of December 26, 1941 were also a rare phenomenon.

* **Роман Евгенийевич Романов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: romanov1981@mail.ru

Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: romanov1981@mail.ru

Keywords: The Great Patriotic War, the West Siberian rear, defense industry, violators of the decree of December 26, 1941, labor desertion.

The article has been received by the editor on 13.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводятся фрагменты докладной записки «По вопросу проверки Указа правительства от 26/ХІІ-1941 г.», приказа по Наркомату боеприпасов СССР от 10 сентября 1942 г. № 0207/Н и информационной сводки «Об осужденных за дезертирство с предприятий военной и угольной промышленности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 года за сентябрь-ноябрь 1942 года военными трибуналами Сибирского военного округа», выявленных в фондах Государственного архива Новосибирской области. Содержание извлечений из этих документов имеет ключевое значение для понимания типологии нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. по причинам и последствиям служебных проступков. Публикации предваряются вводной статьей, в которой проанализирован процесс становления системы принуждения к исполнению бессрочного договора о найме, ее эволюции в мобилизационный статус персонала военпрома, а также реакция на эти изменения в сфере социально-трудовых отношений рабочих-оборонщиков Западной Сибири накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. Установлено, что после принятия указа от 26 июня 1940 г. в промышленности СССР произошло смещение акцентов с административных на уголовные наказания работников, совершивших прогулы и самовольные уходы с предприятий. В начале второго военного полугодия в связи с изданием нового закона о труде судебные санкции в отношении дезертиров с хозяйственного фронта приобрели драконовский характер. Показано, что переход к уголовно-репрессивным практикам борьбы за укрепление трудовой дисциплины во втором полугодии 1940 г. привел к снижению в западносибирской «оборонке» динамики протестно-дезадаптивного поведения рабочих. Во втором полугодии 1941 – 1942 г. на фоне ужесточения карательных мер против труддезертирства число служебных проступков в условиях формирования десятков новых заводских коллективов преимущественно из женщин и молодежи лишь возросло. Сделан вывод о том, что в региональном военпроме получили распространение три типа нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. Наиболее массовым из них являлись работники, ушедшие с предприятий из-за ненормальных производственных или бытовых условий и осужденные трибуналами к лишению свободы на срок от 5 до 8 лет. Сравнительно редким типом правонарушителей выступали сознательные дезорганизаторы производства, расстрелянные за «саботаж» по статье 58 УК РСФСР. Малораспространенным явлением были подсудимые, приговоренные в силу смягчающих обстоятельств к принудительным работам или условному наказанию, выходявшим за рамки указа от 26 декабря 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, западносибирский тыл, оборонная промышленность, нарушители указа от 26 декабря 1941 г., труддезертирство.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022 г.

Накануне Великой Отечественной войны в Западной Сибири были созданы две отрасли региональной «оборонки» – авиационная и боеприпасная. Авиапром включал завод № 153 им. В.П. Чкалова (Новосибирск), промышленность боеприпасов – комбинаты № 179 «Сибметаллстрой» (Новосибирск) и № 392 (Кемерово). На предприятиях, находившихся в стадии строительства, налаживался серийный выпуск боевых самолетов, снарядов и артиллерийских

порохов. На этом фоне происходило формирование новых групп индустриальных рабочих – авиастроителей и боеприпасников. На 1 января 1941 г. в западносибирском военпроме трудились 24,8 тыс. работников, или около 10 % промпersonала региона¹. Оборонный комплекс являлся преимущественно сферой занятости молодых и среднего возрастных мужчин, происходивших прежде всего из сельских районов Азиатской России.

Окрестянивание производственных коллективов заводов-новостроек породило подъем «волны» протестно-дезадаптивного поведения в рабочей среде. Наличие в ней широкого маргинального слоя в условиях снижения уровня жизни городского населения в конце 1930-х гг. привело к быстрому росту числа служебных проступков. Назревавший социальный кризис внутри СССР оказывал негативное влияние на обороноспособность страны, что стало особенно опасным в связи с началом Второй мировой войны. Партийно-государственное руководство отреагировало на внешние и внутренние вызовы путем ужесточения контроля над мобильностью работников в отраслях индустриальной экономики. Данный процесс обуславливался созданием в промышленности системы принуждения к выполнению бессрочного договора о найме в рамках указа от 26 июня 1940 г. Институционально-правовые изменения в сфере социально-трудовых отношений сопровождалось смещением акцентов с административных на судебно-уголовные практики борьбы с нарушителями заводской дисциплины. Согласно новому закону, прогул или опоздание на смену более 20 минут карались по приговору народного суда исправительно-трудовыми работами (ИТР) сроком до 6 месяцев и штрафами до 25 % от заработной платы, самовольный уход с предприятия – тюремным заключением от 2 до 4 месяцев². Активизация репрессивного «кейса» свидетельствовала о возвращении к сравнительно архаичным методам наведения порядка на производстве, присущим эпохе раннеиндустриальной модернизации. Вместе с тем буржуазные государства конца XVIII–XIX в. законодательно прикрепляли рабочего или служащего к фабрике только до полного исполнения им срочного контракта³. Большевики сделали такое закрепление постоянным вплоть до наступления пенсионного возраста, нетрудоспособности, а также ухода на учебу или призыва в армию.

В практической плоскости сложившаяся ситуация характеризовалась широким применением введенного законодательства о труде. С 27 июня по 31 декабря 1940 г. за прогулы и самовольные уходы в целом по СССР понесли наказание 2 091,4 тыс. чел. К исправительным работам и штрафам были приговорены 1 769,7 тыс. чел. (83,1 % всех осужденных), к лишению свободы от 2 до 4 месяцев – 321,6 тыс. чел. (16,9 %)⁴. В военпроме Западной Сибири соотношение сравнительно мягких и жестких санкций являлось вариативным. За второе полугодие 1940 г. в Кировском районе Новосибирска, включая комбинат № 179 Наркомата боеприпасов (НКБ), ИТР отправились отбывать 2 105 чел. (84,0 %), тюремное заключение – 402 чел. (16,0 %)⁵. В Кемерово на комбинате № 392 НКБ суд направил на принудительные работы 345 чел. (69,0 %), в пенитенциарные учреждения – 155 чел. (31,0 %)⁶. В последнем случае доля наиболее суровых репрессий значительно превышала аналогичный средний показатель по СССР.

Реализация указа от 26 июня 1940 г. способствовала значительному сокращению динамики протестно-дезадаптивного поведения оборонщиков. С 1 января по 26 июня 1940 г. на заводе им. В.П. Чкалова было зафиксировано 573 прогула, с 27 июня по 31 декабря – 176. За вторую половину 1940 г. на комбинате № 179 НКБ количество виновников всех

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 3. Д. 5. Л. 34.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 25.12.2022).

³ Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103, No. 1. P. 107–144.

⁴ Панков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // *Вопросы истории*. 2011. № 12. С. 76.

⁵ ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 55.

⁶ ГАО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 13.

служебных проступков снизилось с 245 до 101⁷. Несмотря на некоторые факты сокрытия трудовых преступлений со стороны начальников цехов, статистика в той или иной степени отражала процесс формирования у персонала оборонных предприятий Западной Сибири репрессивной мотивации к занятости. Указанный тренд означал откат к «дисциплине страха», типичной для традиционных и в особенности переходных обществ⁸.

Начальный период Великой Отечественной войны оказал глубоко противоречивое воздействие на развитие актуальных социально-экономических и социокультурных процессов. Во втором полугодии 1941 и 1942 г. в западносибирский тыл было эвакуировано, по разным оценкам, от 78 до 91 военных заводов. Их оборудование позволило реконструировать три и ввести в строй не менее 60 новых предприятий оборонного значения⁹. Благодаря этому удалось расширить авиационную и боеприпасную индустрию, создать с нуля промышленность вооружения и минометного вооружения, танкостроение и электропромышленность. К концу 1942 г. на основе возросших производительных сил в Западной Сибири завершилось налаживание серийного производства боевых самолетов, танков, минометов, автоматов, оптико-механических приборов, радиостанций, зенитных прожекторов, снарядов, патронов и артиллерийских порохов. Объем валового выпуска военной продукции в регионе по сравнению с 1940 г. вырос в 27 раз¹⁰.

Динамичный рост оборонно-промышленного потенциала в условиях крупномасштабных воинских мобилизаций до предела обострил дефицит кадров в индустриальной экономике. Так, вместе с эвакуационными предприятиями из прифронтовой полосы прибыло не более четверти довоенного персонала. В связи с этим количество рабочих вакансий выросло с 222 тыс. на 1 июля 1941 г. до 336 тыс. на 1 апреля 1942 г.¹¹ Их замещение происходило в основном за счет командно-административного регулирования трудовых потоков. Для осуществления данного процесса 30 июня 1941 г. при СНК СССР был учрежден Комитет по распределению рабочей силы¹². На местах решением актуальной задачи занимались исполкомы советов, создававшие областные и городские бюро с аналогичными функциями. Во втором полугодии 1941 г. предприятия Новосибирской области получили по призыву 128 тыс. чел., включая 114 тыс. эвакуированных¹³. С момента принятия указа от 13 февраля 1942 г.¹⁴ и до конца года в промышленность и строительство Западной Сибири поступили 126,1 тыс. чел., в том числе по трудмобилизации – 53,4 тыс., через гострудрезервы – 72,7 тыс. чел.¹⁵ Основную массу трудмобилизованного населения в возрасте от 16 до 59 лет составляли незанятые горожане, подростки и молодежь до 18 лет, призванные в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) жители сел. Новые заводские коллективы комплектовались главным образом из домохозяек, школьников, служащих, интеллигенции, колхозников, никогда прежде не работавших в индустрии. В качестве дополнительных источников их пополнения действовали спецконтингенты – спецпоселенцы, этнические депортанты, заключенные, лица, освобожденные от службы в армии по состоянию здоровья или национальному признаку.

Целенаправленное привлечение людских ресурсов в ведущие отрасли народного хозяйства позволило увеличить численность персонала военпрома в несколько раз. Например, на 1 января 1941 г. в промышленности боеприпасов Западной Сибири было занято 9 тыс.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 48.

⁸ Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 23–26.

⁹ Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонно-промышленного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 52, 54.

¹⁰ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 76.

¹¹ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.

¹² С февраля 1942 г. – Комитет по учету и распределению рабочей силы.

¹³ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 25.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libussr.ru/infdoc3.htm> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁵ Исупов В.А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск, 2008. С. 103.

рабочих, на 15 декабря 1942 г. – 50 тыс.¹⁶ Если в мирное время предприятия НКБ являлись преимущественно сферой приложения мужского труда, то в военное – женского и подростково-юношеского. К концу 1942 г. удельный вес женщин среди боеприпасников региона достиг 52,9 %, подростков и молодежи до 17 лет – 23,85 %¹⁷. Тенденции к «феминизации» и омоложению кадров получили широкое распространение и в других отраслевых сегментах оборонки, что вызвало новую волну протестно-дезадаптивного поведения в рабочей среде.

Однако в первые месяцы войны интенсивность борьбы с нарушителями внутреннего фабрично-заводского распорядка существенно уменьшилась. В первом полугодии 1941 г. народные суды СССР вынесли по делам о прогулах и самовольных уходах 1 030,9 тыс. обвинительных приговоров, во втором полугодии 1941 г. – 722,5 тыс.¹⁸ Реакцией высшего партийно-государственного руководства на сложившееся положение стала институционально-правовая корректировка трудовых отношений в военной индустрии в сторону их милитаризации. В рамках указа от 26 декабря 1941 г. произошел переход от принуждения к исполнению бессрочного договора о найме к мобилизационному статусу оборонщиков, сопровождавшийся ужесточением судебно-уголовных санкций за дисциплинарные проступки. Очередной закон переквалифицировал самовольный уход с оборонных предприятий в дезертирство, подпадавшее под юрисдикцию трибунального правосудия. Мера наказания за разрыв принудительного «контракта» со стороны рабочих или служащих увеличилась с 2–4 месяцев тюремного заключения до 5–8 лет лагерей¹⁹. Усиленный режим прикрепления персонала к месту работы был фактически равносителен перенесению норм армейской дисциплины на категории мобилизованного гражданского населения.

После внесения необходимых изменений в законодательство о труде его применение развивалось по нарастающей динамике. В первом полугодии 1942 г. в СССР за прогулы и самовольные уходы с предприятий соответственно к принудительным работам и заключению в тюрьме были приговорены 668,4 тыс. чел. (97,8 % всех осужденных), во втором полугодии 1942 г. – 893,4 тыс. чел. (85 %). За труддезертирство из производства вооружения и боеприпасов судебному преследованию в январе–июне 1942 г. подверглись 15 тыс. чел. (2,2 %), в июле–декабре 1942 г. – 158,1 тыс. чел. (15 %)²⁰. Лица, осужденные в очном порядке, этапировались в учреждения ГУЛАГа, в заочном – объявлялись в розыск. В целом статистика свидетельствовала об активизации мер по противодействию служебным девиациям и особенно несанкционированной мобильности рабочей силы внутри ключевых отраслей военной экономики.

Данные тенденции получили распространение также в западносибирской оборонке. В 1942 г. ежемесячно с военных заводов Новосибирской и Омской областей в народные суды и трибуналы поступало от 7 до 7,7 тыс. дел²¹. Абсолютным большинством выявленных правонарушителей являлись прогульщики и опоздавшие на смену от 21 мин и выше, осужденные к исправительным работам и штрафам. Менее половины незаконнослушных труженников тыла составляли лица, самовольно ушедшие с производства. В сентябре–ноябре 1942 г. трибуналы СибВО в Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае вынесли в отношении беглецов с трудового фронта около 4 тыс. приговоров или по 1,33 тыс. в месяц²². В частности, на заводе № 153 Наркомата авиационной промышленности были осуждены 3,4 % всех дезертиров (по Новосибирской области), заводе № 29 НКАП – 30 % (по Омской

¹⁶ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 3; РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1349. Л. 30–31; Д. 1499. Л. 66.

¹⁷ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1349. Л. 30–31.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 211. Л. 170.

¹⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 25.12.2022).

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 211. Л. 170.

²¹ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 288.

²² Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36, 37.

области), заводе № 17 Наркомата вооружения – 70,0 % (по Алтайскому краю)²³. Ведущие оборонные предприятия выступали точками максимального приложения жестких уголовно-репрессивных практик в границах областей и краев Западной Сибири.

Гражданам, обвиненным в самовольном уходе с военного производства, назначались различные меры наказания. Лишение свободы на срок от 5 до 8 лет получил 91 % подсудимых, принудительные работы – 4 %, условные наказания – 4,5 %, оправдательные приговоры – 0,5 %²⁴. Около половины обвинительных решений выносилось в заочном порядке в связи с безрезультатностью первоначального розыска дезертиров. Дела о труддезертирстве, усугублявшиеся фактами сознательной дезорганизации производства, переqualificировались с самовольного ухода на саботаж с применением расстрела по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР. Подобные случаи были единичными на фоне наиболее широко распространенной практики осуждения правонарушителей в рамках указа от 26 декабря 1941 г. к заключению в исправительно-трудовые лагеря на несколько лет. Редкостью являлось также оправдание и освобождение от карательных санкций судом производственных преступников. В то же время судебные решения по смягчению приговоров составляли не менее 9,5 % от их общей численности.

На этапе становления военно-хозяйственного тыла реализация указа от 26 декабря 1941 г. не привела к снижению волны протестно-дезадаптивного поведения среди оборонщиков. Вопреки возросшему давлению карательной машины, данный процесс только набирал обороты. В январе–июне 1942 г. на новосибирских предприятиях НКАП, НКБ и НКВ было зафиксировано 9 380 дисциплинарных проступков, в июле–октябре 1942 г. – 15 562. Количество труддезертиров увеличилось с 2 878 до 5 396, их доля в составе производственных – с 4,6 до 8,6 %²⁵. Рост числа правонарушений обуславливался формированием в военпроме маргинальной рабочей массы, не имевшей представлений о трудовом законодательстве и привычки к фабрично-заводскому распорядку, профессиональных знаний и навыков, достаточных для полной адаптации к производству. Негативное влияние этих явлений усугублялось техногенной средой и неритмичной работой заводов, дефицитом жилья и потребительских товаров, хаотичным табельным учетом персонала, медленным оформлением материалов на правонарушителей и распространенной практикой заочного рассмотрения дел о труддезертирстве в трибуналах. В силу действия перечисленных факторов руководство оборонных заводов западносибирского тыла не могло выработать у многочисленных новичков, впервые вставших к станку, репрессивную мотивацию к занятости.

Разрыв в тренде культивирования «дисциплины страха», присущий обновленному рабочему классу начального периода войны, обусловил возникновение различных категорий нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. Базовыми критериями их выделения являются причины самовольных уходов и меры уголовного наказания тружеников, совершивших эти преступления. Анализ массива документальных источников позволил выявить в военной индустрии Западной Сибири три типа трудовых дезертиров. К первому относились работники, сбежавшие с предприятий из-за ненормальных производственных и/или бытовых условий и приговоренные трибуналами к лишению свободы. Второй тип представлен саботажниками, организовавшими коллективные побегии с производства и в связи с отягчающими вину поступками, получившими высшую меру наказания. Третий тип олицетворяли виновники незаконной мобильности (как правило, по материально-бытовым причинам), осужденные в силу смягчающих обстоятельств к принудительным работам или условно. Эта типология отражает многоликие социальные портреты и судьбы «указников», более или менее характерные для оборонщиков тыловых регионов СССР.

Ниже публикуются в соответствии с существующими правилами фрагменты трех документальных источников, представленных в делопроизводственной и нормативной

²³ Подсчитано по: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 36, 37.

²⁴ Подсчитано по: Там же.

²⁵ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 401.

форме. Первым актом является докладная записка «По вопросу проверки Указа правительства от 26/ХІІ-1941 г.», хронологически относящаяся приблизительно к концу апреля или началу мая 1942 г. Второй документ – приказ по Наркомату боеприпасов СССР от 10 сентября 1942 г. № 0207Н. Третьим источником выступает информационная сводка «Об осужденных за дезертирство с предприятий военной и угольной промышленности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 года за сентябрь–ноябрь 1942 года военными трибуналами Сибирского военного округа» от 14 января 1943 г. Документы № 1 и № 3 выявлены в фонде П-4 (Новосибирский областной комитет ВКП(б)), № 2 – в фонде Р-1686 (Новосибирский завод «Сибсельмаш») Государственного архива Новосибирской области.

Выборка публикуемых фрагментов, извлеченных из перечисленных источников, является неслучайной, поскольку дает эмпирическую основу для сравнительного анализа выявленных типов нарушителей указа от 26 декабря 1941 г. Все три выдержки из документов представляют бюрократические «нарративы», сконструированные соответственно инструкторами Новосибирского обкома ВКП(б) Николаевой, заместителем наркома боеприпасов СССР Ивановским и председателем Военного трибунала Сибирского военного округа Какоулиным. Они содержат описание и объяснение с точки зрения партийного, ведомственного и судебно-следственного аппарата пяти проблемных ситуаций, подтолкнувших молодых рабочих завода № 153 НКАП и комбината № 179 НКБ (Новосибирск), завода № 166 НКАП (Омск) и № 17 НКВ (Барнаул) к самовольным уходам с производства и закончившихся для них уголовным преследованием. Официальные интерпретации данных происшествий позволяют установить фамилии и места работы труддезертиров, в отдельных случаях – их имена и отчества, годы рождений, место предыдущего жительства, социальное происхождение, специальность, причины обратной мобильности с предприятий, репрессивные санкции, примененные чрезвычайными органами правосудия. Главным объединяющим звеном для реконструируемых историй труддезертирства служит линейное развитие сюжета «от преступления к наказанию». В то же время в каждой из них отражены принципиально важные детали, свидетельствовавшие об особенностях того или иного случая протестно-дезадаптивного поведения работников оборонки Западной Сибири.

Специфика данного явления обуславливала различия между тремя типами виновников нарушения мобилизационного режима в региональном военпроме, выделенными по причинам и последствиям служебных проступков. Эвакуированный москвич, ученик токаря Н.В. Козлов 1921 г.р., и жительница Новосибирска электромонтажница М.П. Горюнева 1925 г.р. (завод № 153 НКАП), фигурировавшие в докладной записке инструктора Новосибирского обкома ВКП(б) Николаевой, совершили трудовые «преступления» соответственно из-за отсутствия служебной жилплощади и простоев на предприятии. В первом случае речь шла о самовольном уходе с завода, во втором – о частых прогулах, приравненных военным трибуналом к труддезертирству. По указу от 26 декабря 1941 г. Горюнева была осуждена на 5, Козлов – на 6 лет лишения свободы. Оба рабочих относились к наиболее распространенному типу правонарушителей, преступивших этот закон в силу ненормальных бытовых или производственных условий и наказанных согласно установленным уголовно-правовым нормам.

Выходец из семьи раскулаченных крестьян, проживавшей на спецпоселении в Нарымском округе Новосибирской области, рабочий комбината № 179 НКБ Ф.Ф. Волокитин 1917 г.р., отмеченный в приказе по Наркомату боеприпасов СССР от 10 сентября 1942 г., нарушил трудовое законодательство в связи с сознательным отказом от занятости на предприятии. Эта деструктивная позиция, вызванная неприязнью к советскому государству, вылилась в невыполнение заданий по выпуску продукции для фронта и организацию двух коллективных побегов работников с комбината. С учетом совершенных преступных деяний трибунал войск НКВД по Новосибирской области переквалифицировал дело Волокитина с самовольного ухода на «злостный саботаж» и на этом основании вынес ему смертный приговор по статье 58-14 Уголовного кодекса РСФСР. Приговоренный к расстрелу дезорга-

низатор производства принадлежал к сравнительно редкому типу правонарушителей, усугубивших факт дезертирства отягощающими вину проступками и заслуживших высшую меру наказания, не предусмотренную указом от 26 декабря 1941 г.

Мобилизованные из районов Алтайского края рабочие завода № 17 НКВ Попова, Ситникова, Краснова, Илуева, Куксина, а также жительница Омска, работница завода № 166 НКАП Шалашова 1924 г.р., упомянутые в информационной сводке председателя трибунала СибВО Какоулина от 14 января 1943 г., своевольно покинули предприятия из-за тяжелого материально-бытового положения. Группа алтайских девушек, уехавшая домой за одеждой и обувью, после их получения вернулась обратно на производство. Омичка же убыла к сельским родственникам на постоянное место жительства, так как не могла за счет занятости на оборонном заводе обеспечить оставшуюся у нее на попечении многодетную семью. В первом случае военно-гарнизонный суд Барнаула учел факт добровольного возвращения обвиняемых к исполнению служебных обязанностей и осудил их лишь за прогулы к исправительно-трудовым работам по указу от 26 июня 1940 г. Во втором случае трибунал омского гарнизона проявил гуманное отношение к подсудимой, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, и вместо лишения свободы назначил ей условное наказание. «Герои» двух последних историй труддезертирства также олицетворяли малораспространенный тип правонарушителей, получивших в силу смягчающих обстоятельств менее строгие судебные приговоры, вышедшие за рамки указа от 26 декабря 1941 г.

Документы

№ 1

[извлечение из документа]

Секретно

СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП(Б)
ПО АВИАПРОМЫШЛЕННОСТИ

т. Хромову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

«По вопросу проверки Указа правительства от 26/ХІІ-1941 г.»

На основании Указа Правительства от 26/ХІІ-41 г. [1] о запрещении самовольного ухода с предприятий, по заводу № 153 им. В.П. Чкалова был издан приказ за № 504 от 29/ХІІ-41 г., который обязывал – лично нач. цехов и отделов строго следить за выполнением данного Указа.

Что же можно видеть спустя 4 месяца после издания Указа и к чему свелась роль партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в вопросе выполнения данного Указа.

<...> Ниже приведенные факты говорят, кто были нарушители и что их побудило к тому, чтобы бросить работу. Причины самые разнообразные. Например:

<...> Козлов Н.В. – 1921 г. рождения, б/п.^а, поступил в цех № 1 учеником. Козлов приехал из Москвы с заводом № 301 [2], не квалифицированный, работал уч. токаря, жил он в углу у одной старушки далеко от завода (где-то за вокзалом), в квартире часов не было и Козлов часто опаздывал на работу, за это его перевели в подсобные рабочие. Нач. цеха т. Туманов неоднократно обращался к директору завода с просьбой перевести Козлова в общежитие завода (ближе к заводу), но ему в этом было отказано. (Общественность цеха в данном вопросе оставалась в стороне). Козлов, не видя существенной поддержки, опустил, а затем решил бежать в Москву к своим родителям. За свой поступок Козлова осудили на 6 лет тюремного заключения.

^а Так в документе. Следует читать: беспартийный.

<...> Горюнева М.П. – 1925 г.р., б/п.⁶, работала в цехе 42 электромонтажницей, жила в семье с родителями. Когда в цехе не было работы и рабочие были на простое [3], в том числе и Горюнева, она решила не ходить на завод, вообще так было около месяца, когда пришла комиссия для выяснения причины прогула, Горюнева как раз собиралась на работу в ночную смену – оказывается, она ежедневно аккуратно уходила на работу в ночную и вечернюю смену и родители не знали о ее прогуле. Сама Горюнева свой проступок объясняет так. “Я на остановке встречала рабочих цеха и, узнав от них, что работы нет, на завод не ходила, простои надоели”. Почему же Горюнева бросила работу? Чем она занималась почти целый месяц и где она бывала? Никто не интересовался – даже комсомол мимо этого факта прошел. Горюневу осудили и дали 5 лет т/з^в.

ИНСТРУКТОР ОБКОМА ВКП(б)
ОТДЕЛА АВИАПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Николаева)

ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 159. Л. 88, 91, 93.
Незаверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

№ 2

[извлечение из документа]

**Приказ
по НКБ СССР
№ 0207/Н**

г. Новосибирск

10 сентября 1942 г.

§ 1

Объявить приговор Военного Трибунала Войск НКВД Новосибирской обл. от 9-го сентября 1942 г. на осужденного бывшего рабочего завода № 1 комбината № 179 [4] Волокитина Федора Федоровича 1917 г.р.: ВТ^г установил, что Волокитин в июне 1942 г. Колпашевским Окрвоенкоматом Нарымского округа [5] был мобилизован и передан для работы на оборонные предприятия. Волокитин, являясь выходцем из семьи кулаков, будучи классово-враждебным элементом – за репрессию органами Советской власти его родных, он с первых дней прибытия на завод № 1 комбината № 179 злостно саботировал работу завода по выпуску боеприпасов. 3-го июля 1942 г. Волокитин самовольно оставил работу и вместе с группой других рабочих в числе 8 чел. самовольно оставили производство.

5-го июля 1942 г. подсудимый с частью группы лиц в числе 4 чел. были задержаны и доставлены снова на завод, но к работе Волокитин не приступил, а с группой в числе 7 чел. 13-го июля 1942 г. снова с завода дезертировал. Причем подстрекателем к побегу с оборонного завода оба раза являлся Волокитин.

Таким образом, доказана виновность Волокитина в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-14 УК РСФСР [6], руководствуясь ст. 319 и 320 УПК ВТ приговорил:

Волокитина Федора Федоровича на основании статьи 58-14 УК подвергнуть высшей мере уголовного наказания расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

<...>

Зам. наркома боеприпасов СССР (Ивановский)

ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.
Незаверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

⁶ Так в документе. Следует читать: беспартийная.

^в Так в документе. Следует читать: тюремного заключения.

^г Военный трибунал.

№ 3

[извлечение из документа]

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 3

ВОЕННОМУ СОВЕТУ СИБВО

СЕКРЕТАРЮ НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВКП/Б/

СЕКРЕТАРЮ ОМСКОГО ОБКОМА ВКП/Б/

СЕКРЕТАРЮ КРАСНОЯРСКОГО КРАЙКОМА ВКП/Б/

СЕКРЕТАРЮ АЛТАЙСКОГО КРАЙКОМА ВКП/Б/

КОПИЯ: НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ НКЮ

СОЮЗА ССР

БРИГВОЕНЮРИСТУ ТОВ. ЗЕЙДИНУ

ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОДКА**Об осужденных за дезертирство с предприятий военной и угольной промышленности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 года за сентябрь–ноябрь 1942 года военными трибуналами Сибирского военного округа**

<...> Мобилизованные на завод № 17 [7] Алтайского края Попова, Ситникова, Краснова, Илуева и Куксина износили имеющуюся у них обувь и одежду, и так как администрация новую не дала и отказала отпустить домой, они уехали самовольно к родителям, оделись и возвратились обратно на завод, но их к работе не допустили, арестовали как дезертиров и отправили в тюрьму, а материалы о них передали в Военный трибунал гарнизона гор. Барнаула, который их освободил из-под стражи и наказал только за фактически совершенный прогул по Указу от 26.6.40 г. [8]

<...> Работница завода № 166 [9] Омской области Шалашова, 1924 года рождения, имеет на своем иждивении шесть малолетних братьев и сестер. Мать у нее умерла, а отец находится на фронте. Содержать такую семью в условиях города Шалашовой было трудно, поэтому она просила администрацию завода отпустить ее с завода и помочь уехать с детьми в деревню, где у нее есть родственники, но ее не уволили. Тогда Шалашова ушла самовольно с завода. Прокурор, вместо того, чтобы самому разобраться в причинах ухода Шалашовой с завода и понять ее, арестовал Шалашову и дело передал в трибунал. /Военный трибунал освободил Шалашову из-под стражи, определив ей наказание условным/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВТ СИБВО
БРИГВОЕНЮРИСТ /КАКОУЛИН/

ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 41, 41 об., 43 об.
Заверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

Комментарии

1. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».
2. Завод № 301 – одно из предприятий Наркомата авиационной промышленности, эвакуированных во втором полугодии 1941 г. из Москвы на площадку новосибирского завода № 153 им. В.П. Чкалова.
3. Простой – временная остановка производства на предприятии из-за отсутствия сырья, полуфабрикатов, электроэнергии, поломки оборудования и т.п.
4. Комбинат № 179 – крупнейшее предприятие Наркомата боеприпасов СССР, действовавшее в Новосибирске и состоявшее из нескольких номерных заводов (в том числе эвакуированных). До завершения разукрупнения комбината им руководил центральный аппарат отраслевого наркомата.
5. Нарымский округ – административно-территориальное образование с центром в поселке Колпашево, входившее в состав Новосибирской области с 28 сентября 1937 по 13 августа 1944 г.
6. Статья 58-14 УК РСФСР – 14-я статья подраздела «Контрреволюционные преступления» первой главы («Преступления государственные») статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Определяла понятие

- «контрреволюционный саботаж» и меры наказания за его совершение – от лишения свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества до расстрела, с конфискацией имущества.
7. Завод № 17 – предприятие Наркомата вооружения СССР, эвакуированное во втором полугодии 1941 г. из Подольска Московской области на площадку Барнаульского плательно-бельевого комбината.
 8. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».
 9. Завод № 166 – предприятие Наркомата авиационной промышленности, созданное за счет объединения омского моторостроительного завода № 166 и заводов № 81, 256 и 288 НКАП, эвакуированных из Москвы и Кимры во втором полугодии 1941 г.

Литература

- Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонно-промышленного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.
- Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
- Исупов В.А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.
- Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.
- Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103, No. 1. P. 107–144.
- Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф, 2011. 331 с.

References

- Bukin, S.S., Romanov, R.E. (2012). *Rabochaya molodezh' predpriyatiy oboronnoy kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Working Youth of Siberian Defense Industry Enterprises (1941–1945)]. Novosibirsk, Parallel'. 430 p.
- Isupov, V.A. (2008). *Lyudskie resursy Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Human Resources of Western Siberia during the Second World War]. Novosibirsk, Sova. 378 p.
- Papkov, S.A. (2011). Karatel'noe pravosudie na trudovom fronte v SSSR v 1941–1945 gg. [Punitive Justice on the Labor Front in the USSR in 1941–1945]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 72–80.
- Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow, ROSSPEN. 440 p.
- Suresh, N., Yuchtman, N. (2013). Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain. In *The American Economic Review*. Vol. 103, No. 1, pp. 107–144.
- Voznesenskiy, N. (1948). *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The Military Economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat. 192 p.
- Yakovenko, I.G. (2011). *Rossiya i repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and Repression: The Repressive Component of Russian Culture]. Moscow, Novyy khronograf. 331 p.